

И зачем только он согласился пообедать с ним?

Лингуан никак не мог этого понять. Сидя на диване с расческой в руках, он с угрюмым видом распутывал свои растрепанные волосы, но мысли то и дело возвращались к Юэ Чжао: как вообще этот наглец умудрился проскользнуть в его дом?

Там, позади него на кухне, суетился Юэ Чжао. Собрав длинные волосы в хвост и нацепив нелепый фартук — из тех, что в супермаркетах раздают по акции, — он с сияющей улыбкой ловко орудовал кухонным ножом.

Мягкие, по-божественному безмятежные черты его красивого лица светились тихой радостью. Едва заметная улыбка на губах выдавала искренний восторг, а весь его облик в таком наряде невольно вызывал ассоциации с прилежным хозяином дома. Он трудился настолько сосредоточенно, словно кулинария была главным призванием всей его жизни, а в чистых янтарных глазах золотился теплый, как жидкий мед, свет.

Впрочем, у каждого примерного хозяина обычно находится ленивый сожитель, палец о палец не ударяющий ради общего блага. В этом доме роль бездельника досталась Лингуану, который продолжал безучастно причесываться на диване.

Полноправный хозяин квартиры развалился на подушках, полностью погруженный в свое занятие. Распутывая колтуны, он аккуратно расправлял пряди, и те тяжелыми волнами, похожими на темные морские водоросли, рассыпались по его плечам при каждом движении гребня.

Наконец, когда стол уже ломился от аппетитных яств, Юэ Чжао приоткрыл дверь кухни и позвал Лингуана мягким, сияющим от радости голосом:

— А-Лин, всё готово, прошу к столу!

Он заботливо разлил суп по пиалам, разложил приборы и буквально под руку проводил Лингуана к его месту.

Лингуан оказался во главе стола. Рядом, подперев щеки ладонями, устроился Юэ Чжао, не сводя с него преданного, выжидающего взгляда. Перед ними исходила паром невероятно аппетитная, лоснящаяся соусом еда.

Лингуан невольно задумался.

«И как только ты умудрился так мгновенно вжиться в роль примерного супруга?»

В любой непонятной ситуации — сначала поешь.

Лингуан подцепил палочками кусочек запеченного бараньего ребрышка. Сначала мясо протомили в печи, затем порубили на порции и быстро обжарили до хрустящей корочки, щедро сдобрив молотым перцем и хлопьями сушеного чили. Мясо таяло во рту — пряное, с легким карамельным послевкусием, идеально сбалансированное и совсем не жирное.

Восхитительно.

— Ты что, все эти дни на планете Инхо только и делал, что кулинарному искусству обучался?
— удивленно приподнял бровь Лингуан.

В конце концов, Юэ Чжао производил впечатление существа возвышенного, абсолютно чуждого земной суете.

Тот невинно захлопал ресницами:

— Домашняя еда обходится гораздо дешевле.

Верный своему образу бедного скитальца, он с гордостью вытащил из кармана и протянул Лингуану пухлую тетрадь, которую вел все это время. Это был настоящий шедевр бережливости: подробная книга расходов соседствовала здесь с заметками о покупках, аккуратно вклеенными чеками и короткими дневниковыми записями. Страницы были любовно украшены витиеватыми рисунками — словом, перед Лингуаном лежал искусно оформленный личный планер.

Лингуан взял тетрадь и лениво пролистал несколько страниц. Всё это время Юэ Чжао преданно смотрел на него снизу вверх. В его янтарных, похожих на оленьи, глазах мерцали крохотные искры, делая его взгляд невинным и завораживающе глубоким.

— Весьма недурно, — искренне похвалил Лингуан.

Божество из иного измерения, оказавшееся столь скромным и приземленным, снискало бы благосклонность на любой планете. По крайней мере, в отличие от прочих незваных гостей, вечно сеявших хаос, Юэ Чжао избавлял Лингуана от лишней головной боли и бумажной волокиты.

Стоило Лингуану произнести слова одобрения, как лицо Юэ Чжао озарилось непередаваемым восторгом. Слегка порозовев, он робко коснулся ладони собеседника. В его глазах заплескалось мягкое сияние.

— Тебе правда нравится моя стряпня, А-Лин?

Противостоять этому исполненному надежды взгляду было выше его сил. Чтобы не ранить чувства гостя, Лингуан поспешно кивнул:

— Да, очень вкусно.

— Тогда... можно мне остаться жить у тебя? — тут же подхватил Юэ Чжао.

Лингуан опешил.

Слегка сжав пальцы Лингуана, Юэ Чжао подался вперед, преданно заглядывая ему в лицо. Потолочный светильник заливал комнату слишком ярким, слепящим светом.

Лингуан невольно скользнул взглядом по его плечу, с которого соскользнула шелковистая прядь темных волос, и задержался на чувственных губах, напоминавших нежные лепестки персика. На них играла едва заметная лукавая полуулыбка.

Мягкий, завораживающий шепот коснулся уха:

— Моё прежнее жилье собираются снести, А-Лин... А у меня еще столько саженцев духовных деревьев не пристроено. Мне позарез нужен дом с садом. Приютишь меня? Я буду готовить для тебя каждый день. Пожалуйста, не выгоняй меня, А-Лин.

Лингуан открыл было рот, собираясь возразить, что у него полно пустующей недвижимости, которую он может временно уступить, но в этот миг его сознание точно рухнуло в морскую пучину. В ушах оглушительно взревел прибой, а перед мысленным взором предстал величественный лазурный дракон, окутанный призрачным сиянием и медленно сжимающий кольца вокруг него.

Голос Юэ Чжао всё еще доносился откуда-то издалека. В раскрытую ладонь Лингуана легла конфета. Переливающаяся всеми цветами радуги перламутровая обертка была скручена по краям в аккуратные веера, отчего сладость походила на драгоценный камень в изящной оправе.

Когда Лингуан развернул шуршащую обертку, пальцы его мелко дрожали, а ладонь взмокла от внезапного волнения. Он широко распахнул глаза. Силуэт Юэ Чжао перед ним словно застыл, а аккуратные записи в его тетради поплыли, превращаясь в бесформенные чернильные пятна, сливающиеся с черными прядями волос гостя.

Лингуан судорожно сглотнул и отправил угощение в рот. Взгляд его прояснился, и, посмотрев на замершего в ожидании мужчину, он без малейшего колебания произнес:

— Ладно. Можешь пожить у меня какое-то время.

На губах Юэ Чжао расцвела довольная, сытая улыбка. Но Лингуану на мгновение почудилось, что в этой радости нет прежней детской чистоты — сквозь нее проглянуло нечто пугающее, почти демоническое, напоенное едва скрываемым торжеством. Впрочем, когда он моргнул,

наваждение исчезло. В его алых глазах, подернутых легкой, сонной поволокой, больше не отражалось никаких подозрений.

Получив заветное разрешение, Юэ Чжао со всеми удобствами обосновался в его доме.

Ранним утром Лингуан проснулся в своей постели.

Натянув строгие черные брюки и белоснежную рубашку, он вышел из спальни, на ходу затягивая ремни портупей. На эластичной коже тускло поблескивали алые, как застывшее пламя, драгоценные камни, а от нагрудной пряжки спускалась подвеска из тонких алых перьев.

Спустившись на галерею второго этажа, он глянул вниз. Прежде безупречно строгая и полупустая гостиная разительно переменилась: на полу теперь лежал мягкий ковер теплых оттенков, на диване устроились забавные плюшевые игрушки, а прямо сквозь приоткрытое окно в комнату просовывались зеленые побеги. Они лениво расправляли сочные листья, на которых прямо на глазах наливались спелостью ярко-красные плоды.

Юэ Чжао как раз аккуратно снимал с веток первый урожай духовных ягод. Услышав шаги, он поднял голову, и его длинные серебристые волосы качнулись, озарив полумрак зыбким, лунным сиянием.

— С добрым утром, А-Лин! — Его улыбку ласково подсветило утреннее солнце. Домашний, уютный Юэ Чжао в своем неизменном кухонном фартуке выглядел настолько трогательно, что сердце невольно замирало.

— Доброе утро, — Лингуан сморгнул наваждение и опустился на стул.

На завтрак сегодня была дымящаяся каша из красных бобов и иовлевых слез, воздушные паровые пирожки и сочные шаомай с клейким рисом.

Поставив перед хозяином дома стакан свежавыжатого сока, Юэ Чжао небрежно повел рукой — и лозы, бесцеремонно пробравшиеся в гостиную, тут же втянулись обратно на улицу, как ни в чем не бывало зеленея в палисаднике.

— Ты сегодня удержишься на работе, А-Лин? — ласково спросил Юэ Чжао, слегка наклонившись над столом.

Шелковистые серебряные пряди скользнули по его плечу, ловя утренние лучи и отливая изысканным перламутром. Услышав в ответ лаконичное «нет», он тихо, счастливо рассмеялся, прищурив глаза.

Лингуан отвел взгляд, чувствуя легкое замешательство. На душе скребли кошки. Могущественное божество, грозный небожитель — и целыми днями возится у плиты, пытается ему угодить... Это казалось почти кощунством. И пускай Лингуан до сих пор не мог взять в толк, какая муха укусила его в тот вечер, заставив согласиться на это сожительство, теперь отступить было поздно.

В конце концов, сытый голодного не разумеет, да и выставлять за дверь человека, который тебя так царски кормит, было бы верхом черной неблагодарности. Лингуан попросту не мог так поступить.

Присев на банкетку в прихожей, он привычным жестом затянул на бедре кожаную кобуру. Несколько раз стукнул каблуком о пол, проверяя посадку обуви, и потянулся к дверной ручке. Перед уходом он обернулся, чтобы коротко попрощаться.

— Я ушел.

— Хорошего дня, А-Лин, береги себя, — мягко отозвался Юэ Чжао, провожая его до порога.

Лингуан замер в проеме, придерживая дверь рукой, и с совершенно серьезным видом добавил:

— Кстати. Впредь не утруждай себя готовкой. Можешь пользоваться кухней как захочешь, а я буду обедать и ужинать в городе.

Он отвел глаза, слегка смущенный собственной прямоотой:

— И за завтрак спасибо. Но ты здесь просто гостишь, так что не нужно так стараться. Меня почти не бывает дома, а если задержусь допоздна — не жди меня.

Какая черствость, какое хладнокровие! Никакого семейного гнездышка — чистой воды сухой расчет квартиранта.

Юэ Чжао растерянno моргнул.

— Э-э?.. — На его лице отразилось такое горькое разочарование, словно его только что ударили наотмашь. Янтарные оленьи глаза распахнулись в немом упреке.

Словно лишившись всех сил, он медленно опустился на колени прямо у порога. Вид у него был абсолютно сокрушенный. Прежде чем Лингуан успел шагнуть за порог, Юэ Чжао мертвой хваткой вцепился в его ногу, уставившись на него полными слез глазами.

— А-Лин! — жалобно запричитал он, и крупные слезы покатались по его щекам. — Скажи, я сделал что-то не так? Почему ты так со мной? А-Лин! Не прогоняй меня, умоляю! Если тебе

что-то не нравится, я всё исправлю! Только не бросай меня... А-Лин...

Он всхлипывал, не переставая умолять, а слезы градом сыпались из его покрасневших глаз. Юэ Чжао плакал на удивление тихо, лишь его широкие плечи содрогались от сдерживаемых рыданий. Уголки его век окрасились влажной, щемящей краснотой, а на бледных щеках выступил лихорадочный румянец.

Его нельзя было назвать женственным. Напротив, несмотря на кроткий взгляд и мягкие черты, в редкие минуты серьезности его лицо приобретало холодную, отрешенную суровость истинного божества, чистого и недостижимого, как лунный свет. Он казался дружелюбным лишь из-за привычки постоянно улыбаться. Но под этим нежным обликом скрывалось крепкое, по-мужски развитое телосложение — его широкие плечи и сильные руки выдавали недюжинную силу, превосходящую человеческие пределы.

Лингуан и представить не мог, что плачущий мужчина может выглядеть настолько хрупким и беззащитным. Под этим мокрым от слез, полным отчаяния взглядом он почувствовал себя последним негодяем, совершившим смертный грех.

— Дапусти ты меня... — Лингуан попытался высвободить ногу, но Юэ Чжао держал крепко. От его отчаянных попыток вырваться ремни портупей на бедре сползли, а декоративные алые перья взметнулись, защекодав подол рубашки.

Как Лингуан ни старался, мужчина не разжимал объятий, лишь упрямо поджимал губы и продолжал беззвучно лить слезы.

— Неужели ты тоже презираешь меня, А-Лин? Если мне нельзя пользоваться божественной силой, то кулинария — единственное, на что я годен! Чего ты хочешь? Денег? Я добуду для тебя горы золота! Все мои прихожане вечно просили у меня богатства... Я могу отдать тебе всё: золото, сокровища... даже мою божественную силу! Возьми её, А-Лин, только не гони меня!

Он заглядывал ему в глаза с такой истовой верой, словно выворачивал душу наизнанку.

Глядя на это несчастное создание, Лингуан мысленно вздохнул. На лбу этого недотепы крупными буквами было написано: «Идеальная жертва для мошенников».

— Да с твоей бесконечной добротой неудивительно, что эти неблагодарные люди сели тебе на шею и в конце концов разнесли твоё святилище! — Лингуан в сердцах легонько щелкнул его по лбу. — Глупец! Никогда не разбрасывайся своей божественной силой и не предлагай её кому попало.

Он грозно насупился и сжал кулаки, приняв такой суровый вид, словно прямо сейчас был готов самолично проучить всех его бывших обидчиков.

— Еще раз услышу, что ты выворачиваешь душу перед первым встречным, пеняй на себя. Я тебе лично хорошую трепку устрою.

— Но ты для меня не чужой, А-Лин, — упрямо возразил Юэ Чжао, преданно глядя на него снизу вверх. Он закивал с абсолютной, обезоруживающей искренностью: — Только тебе. Я люблю тебя, А-Лин, и свою силу доверю только тебе. Пожалуйста, не прогоняй меня! Я ведь такой недотепа... Если ты меня выставишь, коварные смертные живо со свету сживут!

Юэ Чжао причитал так искренне, перемежая клятвы верности с жалобными стенаниями, что Лингуан невольно замер. Черты лица этого мужчины, едва уловимо — самую малость — наминавшие облик его покойного супруга, заставили его сердце болезненно сжаться от нахлынувших воспоминаний.

Если бы у них с мужем родился сын, он наверняка вырос бы таким же несносным красавцем, который точно так же вис бы у отца на ногах, вымаливая прощение.

При этой мысли гнев Лингуана окончательно испарился. Смягчившись, он раздраженно поправил сползшую кобуру на бедре и буркнул:

— Ну ладно, ладно, никто тебя не выгоняет. Поднимайся уже с пола, хватит тут драму устраивать.

— Правда? — недоверчиво протянул Юэ Чжао. Но стоило ему поднять голову и встретить этот странный, почти отцовский, исполненный необъяснимой нежности взгляд Лингуана, как по его спине пробежал ледяной холодок дурного предчувствия.

Он замялся, лихорадочно соображая, не стоит ли для верности разрыдаться пуще прежнего. Но пока он колебался, Лингуан ловко выпутался из его объятий, отстранил его легким движением и, проскользнув мимо, прыгнул на сиденье своего звездного челнока. Оставив позади лишь тихий гул мотора, машина мгновенно растворилась в вышине.

Юэ Чжао остался стоять в полном одиночестве.

«Убежал...»

Ему оставалось лишь бессильно смотреть вслед улетевшему челноку.